АННОТАЦИЯ

диссертации **Суйновой Айнуры Талгатовны** «**Дипломатические разведывательные миссии Российской и Британской империи в Центральной Азии в последней четверти XVIII в. – 60 г. XIX в.: опыт сравнительного исследования»**, подготовленной на соискание степени доктора философии (PhD) по образовательной программе 8D02206 - История

Общая характеристика диссертационного исследования. Диссертация посвящена сравнительному анализу дипломатических разведывательных миссий Российской и Британской империй в Центральной Азии в последней четверти XVIII - 60 г. XIX века. В работе рассматриваются цели, методы и механизмы деятельности миссий, процессы сбора информации и роль посредников в производстве имперского знания о регионе. Исследование основано на российских и британских архивных материалах и выполнено с использованием подходов сравнительной, трансимперской и новой имперской истории.

Актуальность темы исследования. Актуальность темы определяется её научной, методологической и общественно-исторической значимостью. Центральная Азия в XIX веке являлась пространством пересечения интересов Российской и Британской империй, а изучение дипломатических разведывательных миссий позволяет понять механизмы формирования имперского знания и внешнеполитических стратегий в регионе. Концепт «Большой игры» продолжает влиять на современные дискуссии о геополитике, разведке и международных отношениях, что придаёт исследованию особую актуальность для стран Центральной Азии. Тема также обладает важным методологическим потенциалом, поскольку сравнительный анализ российских и британских разведывательных практик позволяет выявить общие закономерности имперского производства знания и объединить российскую, советскую и западную историографические традиции. Для казахстанской историографии исследование имеет особое значение, так как позволяет рассмотреть казахских посредников, переводчиков и информаторов не как второстепенных участников, а как важную часть имперских информационных процессов. Таким образом, актуальность диссертации определяется научной новизной сравнительного подхода, значением концепции производства имперского знания и необходимостью переосмысления «Большой игры» не только как геополитического, но и информационного процесса.

Объект и предмет исследования. Объект исследования - дипломатические разведывательные миссии Российской и Британской империй в Центральную Азию в последней четверти XVIII-60-х годах XIX века.

Цель и задачи исследования. Цель диссертации - провести сравнительный анализ дипломатических разведывательных миссий Российской и Британской империй в Центральной Азии в последней четверти

XVIII-60-х годах XIX века как двух взаимосвязанных систем производства имперского знания о регионе.

Задачи исследования:

1. Определить содержание понятий «дипломатическая миссия», «разведывательная миссия» и их гибридное соотношение применительно к рассматриваемому периоду; концептуализировать понятия «Центральная Азия» и «стратегия» в применении к имперским практикам XIX века.

2. Реконструировать институциональную структуру российских дипломатических разведывательных миссий: охарактеризовать роль ОПК как центрального органа производства знания о регионе, описать механизмы подготовки миссий и систему кадров.

3. Проанализировать систему формирования сетей информантов и наблюдателей на российской стороне: выявить типологию «знающих людей», механизмы их рекрутирования и инкорпорации и торговых сетей как разведывательной инфраструктуры.

4. Реконструировать организацию британских миссий в рамках системы Ост-Индской компании: охарактеризовать Политический и Секретный департамент, описать три направления миссий (бухарское, хивинское, кокандское) и систему инструктирования.

5. Проанализировать информационные практики британских миссий: реконструировать агентурные сети, методы психологического воздействия, контрразведывательную деятельность и механизм административной обработки информации.

6. Провести систематический сравнительный анализ двух систем: сопоставить институциональные механизмы, типологии миссий, кадровые профили, типы «знающих людей», информационные практики и модели двойной циркуляции знания.

7. Оценить роль локальных акторов - казахских, афганских, бухарских, как самостоятельных субъектов, формировавших практики обеих имперских систем через сопротивление, манипуляцию и ситуативное сотрудничество.

Методология и методы исследования. Методологическую основу диссертации составляют четыре взаимосвязанных подхода. Новая имперская история с отказом от телеологии, вниманием к агентности управляемых народов и признанием гибридности имперских практик. Применительно к данному исследованию, российские и британские миссии рассматриваются не как элементы предопределенного завоевания, но как практики, исход которых определялся в том числе стратегиями локальных посредников.

Концепция производства колониального знания (Фуко, Кон, Бейли). Миссии рассматриваются как механизмы производства знания о регионе, «порядки исследования» (investigative modality), в рамках которых дипломатические, разведывательные и научные функции были структурно неразличимы. Концепция Бейли «знающих людей» является аналитическим ядром для изучения сетей информаторов обеих систем.

Трансимперский подход (Остерхаммель; Пианчола/Сартори). Российские и британские практики рассматриваются не как параллельные

истории, но как взаимно обусловленные элементы единого транснационального процесса: агенты одной державы отслеживали агентов другой, местные акторы использовали присутствие обеих держав в собственных интересах.

Сравнительно-исторический метод применяется на основании функциональной аналогии. Обе системы решали одну и ту же структурную задачу - производство знания о Центральной Азии как условие политического контроля над регионом. Именно эта функциональная аналогия, а не формальное сходство институций, является основанием для сравнения.

Метод критического чтения источников (Сартори) применяется при работе с колониальными архивами. Источники читаются не только как свидетельства фактов, но как акты производства определенной версии реальности, несущие следы «дискурса враждебности» и административной предвзятости.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

Впервые системным методом представлены дипломатические и разведывательные миссии последней четверти XVIII- 60-е г. XIX вв. как инструмент имперского присутствия в регионе, позволяющий иметь самостоятельные механизмы производства знания о регионе, а не как дипломатические события или военная предыстория завоевания.

Методом сравнительного анализа выявлен трансимперский механизм формирования русских и британских практик в Центральной Азии, синхронные эпизоды непосредственного столкновения двух систем, как противостояние в Кабуле (1837-1838), параллельные действия в хивинском вопросе (1839-1840).

Впервые введены в научный оборот отечественной науки архивные документы архива Индийского ведомства Британской библиотеки (British Library, India Office Records).

Принципиально важной новацией является введение в оборот показаний освобожденных российских пленных из среднеазиатских ханств как самостоятельной категории разведывательных источников.

Впервые проведен анализ феномена двойной циркуляции знания, параллельного производства секретного и публичного потоков, как системообразующую практику обеих имперских систем.

Выявлено принципиальное различие институциональных логик двух систем: российской (Оребургская Пограничная комиссия) и британской (Политический и Секретный департамент Ост-Индской компании) и раскрыт трансимперский механизм взаимного формирования практик.

Установлено фундаментальное различие двух типов посредничества и подготовки кадров Российской и Британской империй.

Научная и практическая значимость исследования. Научная значимость диссертации заключается в реконструкции системы «знающих людей» Оренбургской пограничной комиссии на основе новых архивных материалов, первом сравнительном анализе российских и британских разведывательных практик и восстановлении роли казахских посредников в

имперских информационных процессах. Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов в курсах по истории Центральной Азии, истории империй, разведки и дипломатии XIX века.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Дипломатические и разведывательные миссии Российской и Британской империй в Центральной Азии первой половины XIX века не являлись двумя разными историческими феноменами, а были двумя функциональными аспектами одного явления - гибридного механизма имперского производства знания о регионе. Разграничение «дипломатической» и «разведывательной» миссии в применении к данному периоду является ретроспективной историографической конструкцией: все официальные миссии структурно совмещали переговорные, разведывательные, картографические и агентурные функции одновременно.

2. Российская и британская системы разведывательных миссий решали одну и ту же структурную задачу - производство знания о Центральной Азии как условие политического контроля, применяя функционально аналогичные инструменты при принципиально различных институциональных логиках. Российская система (ОПК) опиралась на трехуровневую централизованную вертикаль с постепенным административным освоением пространства. Британская (Политический и Секретный департамент Ост-Индской компании) на четырехуровневую децентрализованную систему с управлением буферной зоной за пределами прямого суверенитета.

3. Обе системы выстраивали производство знания через «знающих людей», то есть местных посредников с компетентностью, необходимой для работы в регионе. Принципиальное различие состоит в природе этой компетентности. Российские «знающие люди» (казахские аристократы, татарские муллы и переводчики) обладали органической двойной идентичностью, они принадлежали одновременно и имперской, и местной системам. Британские (офицеры-ориенталисты Ост-Индской компании) обладали преимущественно приобретенной компетентностью. Это различие определяло принципиально разные пределы информационного проникновения каждой системы.

4. Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге являлся сознательно спроектированным институтом производства «знающих людей» с двойной компетентностью, функционально аналогичным Форт-Уильям колледжу в Калькутте на британской стороне. Сравнение двух институтов выявляет фундаментальное различие: корпус производил двуязычных посредников с органической двойной идентичностью, колледж же ориенталистов с приобретенным знанием чужого культурного пространства.

5. Обе системы параллельно производили секретное знание (архивные депеши, разведывательные донесения) и публичное знание (мемуары, академические публикации, парламентские отчеты). Механизм преобразования секретного в публичное, это пометки «omitted» на депешах Бернса, гриф «секретно» на записках Осмоловского является структурным выражением единого явления двойной циркуляции знания, выполнявшей

самостоятельные политические функции: легитимацию имперского присутствия перед внутренней и международной аудиторией.

6. «Большая игра» как историческое явление была прежде всего информационной войной, системой взаимного производства, перехвата и дискредитации знания о регионе, а не только геополитическим, военно-политическим и дипломатическим соперничеством. Синхронные эпизоды противостояние Бернса и Виткевича в Кабуле (1837-1838), хивинская экспедиция Перовского и миссии Абботта/Шекспира (1839-1840) документально подтверждают, что практики каждой державы формировались через реакцию на практики другой: это было не параллельное, но взаимно обусловленное движение двух систем в едином транснациональном пространстве.

7. Казахские, афганские и бухарские акторы были не пассивными объектами российских и британских манипуляций, а активными субъектами, последовательно использовавшими имперское соперничество в собственных интересах. Казахские ханы и посредники, Дост Мухаммед-хан и Ранджит Сингх применяли идентичную стратегию балансирования между конкурирующими державами, извлекая ресурсы и статус из своего промежуточного положения. Именно эта субъектность локальных акторов определяла реальные пределы информационного контроля обеих имперских систем над регионом.

8. Система производства знания о Центральной Азии была структурно зависима от «знающих людей» и одновременно систематически недооценивала их субъектность - феномен, описанный К. А. Бейли как «когнитивная предвзятость» имперских администраторов. Два крупнейших военных провала рассматриваемого периода: катастрофа хивинского похода Перовского (1839) и катастрофа Первой англо-афганской войны (1842) являются историческими подтверждениями этого структурного противоречия, в обоих случаях предупреждения «знающих людей» были проигнорированы, что привело к катастрофическим последствиям.

9. Торговые сети, связывавшие Оренбург и Калькутту с центральноазиатскими рынками, являлись постоянно действующей разведывательной инфраструктурой, функционировавшей независимо от периодических официальных и тайных миссий. Купцы-информаторы обеих систем, как Гариф Атагалиев и Алимбай Мурзабаев на российской стороне, Сурвар Хан Лохани и бухарские купцы в Кашмире на британской образовывали единое транснациональное торгово-разведывательное пространство, в котором коммерческие и разведывательные функции были структурно неразличимы.

10. Сравнительный анализ двух систем позволяет предложить новую концептуализацию их соотношения: российская и британская системы разведывательных миссий были оптимально приспособлены к принципиально разным стратегическим задачам. Российская система к административному поглощению пространства через постепенное включение в состав империи. Британская к управлению буферной зоной через дипломатию и разведку за

пределами прямого суверенитета. Когда каждая система пыталась применять методы другой, российская использовала прямую дипломатию без административного ресурса, британская прямое военное присутствие, обе терпели системный провал. Это структурное наблюдение является принципиальным выводом настоящего сравнительного исследования.